

*Н. Галинова, О. Мищенко, Ю. Попова, И. Родионова*

## МАГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И СЛОВО В ЖИЗНИ СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

*Настоящие заметки — продолжение публикации этнографических материалов, собираемых «попутно» участниками Топонимической экспедиции Уральского университета. Используются полевые записи, сделанные в 1990 — 1995 гг. на территории Архангельской и Вологодской областей.*

Познавая и осваивая суровые северные края, русский крестьянин окружал себя своеобразным защитным полем, предохраняющим от враждебного воздействия и способствующим удаче. Таким полем становились магические обряды, сопровождающие человека всю его жизнь.

Так, непременно условием удачной рыбной ловли признавалось задабривание водяного: «В море выходили старики — чего только не положат себе: табачку насыпали полны карманы, хлеба — это все морскому хозяину бросали» (Мез. Долгощелье<sup>1</sup>); «Водяного-то хозяина угостить надо. Ловить пойдут — ему хлеба в воду бросят, а кто водочки нальет, у берега поставит. Ночью водяной-то выпьет, рыбки даст» (Вашк. Харбово). С другой стороны, «в море идешь — нельзя с собой свежую рыбку брать: хозяин моря-то обидится» (Прим. Патрикеевка).

Особым образом подготавливались рыболовные снасти: «В острогу, в шест-от вдельвали ладан, чтобы рыба шла» (Леш. Вожгора); «А то еще в сетку амбарную мышь зачем-то зашивали» (Мез. Долгощелье).

Существенной частью подготовки к рыбной ловле на море, озере были обряды, связанные с «вызыванием» попутного ветра (поветерка, поветерь). Согласно поверью, «двенадцать плешатых (плешивых) надо сосчитать, так ветер подует» (Котл. Вондокурье). Или: «Надо было сосчитать сорок плеханов, чтобы поветерка была» (Леш. Палуга). Такой подсчет обычно вели женщины, остающиеся на берегу. Но иногда и сами рыбаки участвовали в обряде: «Сорок мужчин с лысынями собираются и надрезают себе палец, а кровь с него каплют на доску с сорока зарубками. Потом выкидывают в море, при этом приговаривают: «Хотим поветерь!» (Мез. Долгощелье). А то еще «мачту грызли, чтобы поветерка была» (Леш. Палуга).

Для поморов самым главным и опасным ветром был северный — шолонник. По народным представлениям, шолонник имеет жену — шолонницу, и если он на ночь не утихает, значит, «к шолоннице спать не идет» (Прим. Яреньга). Поэтому «на рыбу идут мужики, женки молят ветер: «У шолонника женка б...», — говорят, чтоб он к жене вернулся» (Мез. Кимжа).

Северный ветер «молили» не только рыбаки. Чтобы наступила теплая погода, совершали

следующий обряд: «Истопят баню и приговаривают: «Север да Севериха, пойдите в байну умыться со своими малыми деточками». Так говорят, чтобы теплело погоду, ветер холодный в байну зовут». (Леш. Родома); «Коды холодно бывает, тоды засеверило. Север вот и дует, и Севериха есть. На севере там они живут. Люди пойдут из бани и кличут: «Север и Севериха, идите париться в парну-парушечку, в баенку, унесите ветер» (Леш. Родома).

Выходу в море, выезду на озеро мог предшествовать обряд, символическими имитирующий удачную рыбную ловлю: «Перед тем как ловить, в сетку хлеба бросают. Потом ее вытягивают, будто с рыбой. Хлеб едят. Тогда добрый улов будет. А не сделаешь так — ничего не поймашь» (Бел. Десятовская).

Немаловажную роль играли и различные запреты: «Первый раз не выходят (в море) в понедельник да в Благовещенский день: на какой день недели падат в этом году Благовещенье, такой день будет несчастным, этого дня опасаются» (Прим. Яреньга); «На рыбалку идешь — плохо встретить пога. Надо одежду наизнанку переодеть, если пога увидишь» (Вашк. Муньга): «Если одноглазого встретишь (когда идешь на рыбалку), надо круг себя обернуться» (В.-У.Истопная); «Когда нерестится рыбка, запрещено бить в колокола» (Вашк. Шульгино). Подобные запреты существовали и для охотника: «На охоту идешь, нельзя встретить бабу или кошку — неудача будет. Если заяц выскочит и дорогу перебежит, а его не убьешь — лучше на охоту не ходить — это лешак дразнит» (Пин. Усть-Поча); «Охотнику нельзя думать: «Я сейчас убью», поэтому свинец в рот клали: он, чтобы не сглотнуть, будет о свинце думать» (Леш. Вожгора).

Существовали предметы-обереги: взявший их с собой на охоту мог быть уверен в удаче и своей безопасности: «Чтобы охота удачной была и чтоб сам сохраннный был, старики-те соль в лузец (охотничий жилет с большими карманами, служащий одновременно заплечным мешком) насыпали» (Леш. Шегмас): «На охоту идешь, булавку на грудь пристегни: удача будет и зверь не задерет» (Леш. Шегмас). Оберегом мог стать и клык добытого на охоте зверя: «Обережь такая: медвежьи клыки на ремень повесят, и не налетит медведь» (Леш. Шегмас). Интересно в этой связи такое поверье: «Медведко маленький — лесной зверек. Размером он с кошку, а в остальном во всем похож на медведя. Если медведко наступит на человеческий след, сразу же умрет. В этом случае его нужно забрать и высушить, а потом сделать лекарство для домашнего скота, чтоб не болел» (Уст. Череновская). Так охота и «домашняя» жизнь соединяются, помогая друг другу. Чаще, правда, бывает наоборот: удача на охоте обеспечивается магическим действием дома: «Чтобы охота была удачной, нужно у бабы между ног пролезть» (Онеж. Абрамовская).

Есть обрядовые действия, делающие метким ружье: «Ружье прокуривают, если худо несет» (Леш. Вожгора); «Чтобы ружье хорошо было, надо первым из него застрелить ворону. Тогда без промаха бить будет» (Вашк. Тарасево). Не забыта и собака: «Зубом щуки нос колят у собаки до крови, чтоб лучше чуяла» (Леш. Вожгора).

Возможно и обращение к Богу: «Волк сам берет, а медведю Бог дает» (Вил. Спиридоновская), поэтому при встрече с медведем нужно креститься и читать молитвы. При встрече со змеей достаточно и просто «извиниться» перед ней, воскликнув: «Ах, ненароком!» (Котл. Приводино).

Магические действия нередко связаны и с домашними животными. Так, приведа в дом

новую корову, хозяйка заходила в стаю (хлев) первой, свернутую жгутом солому приставляла себе как рога и хвост и обходила помещение кругом, приговаривая: «Дедушко-соседушко, дворовой-домовой, пой-корми, тело наводи» (Котл. Осокорская).

Магической силой обладал, по мнению севернорусских крестьян, петух: «Раньше говорили, если на петухе релку (небольшая горка, холмик) вспашешь, клад найдешь» (Вил. Дресвянка); «Легенда была, что этот кубан (горка) надо до рассвета развезти на черных петухах, чтобы ровное место осталось, тогда клад найдешь» (Вил. Никольская). Петуха приносили в жертву при закладке фундамента нового дома: «Дом кладут — на стаминки под фундамент деды наши ложили петуха и курицу, а мы дак серебряные монеты» (В-Т, Пога).

Строительство нового дома сопровождается и другими магическими действиями. Уже сам выбор места для строительства сопровождается обрядом: «Выберешь место, где дом строить, оставь там на ночь зерно. Если зерно пропало — место нечистое» (Плес. Зубово). В особых обстоятельствах должна проходить заготовка строительного материала: «Если надо строить, то лес рубить, когда луна на ущербе: тогда лес не гниет, стоит сто лет» (Котл. Суслопариха).

На протяжении всего строительства хозяин боится сглаза со стороны строителей и задабривает их угощением: «Дом клали, к матице привязывали зобню (большая корзина) с бутылками. Плотники матицу чуть поднимут и скажут: «Легкая больно, дальше не идет». Добавят еще вина и рыбник (пирог с рыбой) положат. Потом матицу поднимут и уж обязательно пьют вина с пирогом» (Котл. Мишковская); «Если плохо угостил хозяин строителей, они в невидном месте дырку сделают, через нее дурной глаз заходит, дом ломается» (В-Т, Пога).

Когда дом построен, еще перед входом в него, хозяин должен пройти по коньку крыши: «Все сделали, хозяин должен по коневому пройти, на крыше-то верхне бревно, а в руках у него хлеб-соль. Он по коневому проходит, чтоб хорошо жить. Надо ведь не упасть!» (Леш. Шегмас).

При новоселье вновь вспоминают петуха — его несут первым, «чтобы пропел все в избе» (Мез. Лампожня). Обычай первой впускать в новый дом кошку на Севере считается либо новым, либо городским. Отношение к кошке, скорей, настороженное, ее опасаются как носителя нечистой силы. Особенно кошка опасна для скота. Не следует ее брать в дорогу — «от кошки лошадь сохнет» (Чаг. Марьино).

Сам крестьянский дом тоже обладал определенной силой магического воздействия, охранял живущих в нем: «От сглаза у двери тягу да у стола углы обмывали, все в чашечку собирают, потом через тягу поливают да ребенка умывают. Или ножом крестят молоко и ребенку дают выпить» (Онеж. Абрамовская); «Раньше очерчивали чирьи, чтобы не росли. На стенке (дома) сук найдут и очерчивают им этот чирей» (Вил. Конгур). При боли в пояснице, причину которой видели в том, что человек «утин (поясниду) сорвал», делали следующее: «Чтобы полегчало, утин секали: больной ложился на порог, на спину ему клали веник, который секали топором девять раз. Лежащий спрашивал: «Что секаешь?» — а тот, кто сек, отвечал: «Утин». В ответ больной говорил: «Секи его ладом, чтобы век не бывал, не отрывивал!» (Уст. Юрятино).

Порог как граница дома, отделяющая «свое» от «чужого», выступает магическим

пространством и в такой примете: «На порог ступит девка, так сбл...ет» (Уст. Михалево). Магическим пределом считается и окно, поэтому «не подавайте ребенка в окошко, только друг другу» (Вашк. Поповка). Большое значение в магическом преобразовании действительности имела и баня, особенно банная каменка (сложенная из камней печь): «Надо (при сглазе) взять три камешка — с поля, с каменки и с ушата — и в воду бросить. Если забурлит вода, человек сильно обуроченный. Этой водой надо умытьсья, сглаз снимет» (Уст. Задорье); «Матка скорлупу яиц клала на каменку в байне (бане), чтобы дети были чистые и хорошие» (Вашк. Волково).

Магической силой обладают многие предметы домашнего и хозяйственного обихода. Например, при сглазе «через дугу умывают — дуга призоров (дурного глаза) не боится» (Уст. Задорье). Магическая сила приписывается хлебу: «Чтоб родился сын, надо, чтобы мать горбушки ела, корки, а чтобы девочка — мякиш» (Вил. Чуркинская). Если маленький ребенок плохо говорит, «берут два слепшихся житника (хлеб из ячменной муки) и ломают их о голову ребенка со словами: «Речь ломает» (Прим. Лявля). «У ребенка бывает щетинка черная. Надо сочень из белой муки к ней приложить. На сочень выходят черви ли, волоски ли. На сочне делается черно». (Котл. Кумиха). Есть и другой способ лечения от щетинки (ее еще зовут собачья старость, кошачья сухота): из белой муки пекут большой калач, младенца проносят через дырку в этом калаче, а сам калач скармливают собаке (Вил. Истоминаская).

Разнообразны магические действия, связанные с двойными колосьями (два колоса на одном стебле): «Раньше прибирали раздвоенные колосья для разных дел. Бабы перед родами пили с него — легче родить. Годится для этого ячмень или рожь» (Вил. Пирогово); «Таки колосья двойняшками называли, но тока ржаные колосья. Прибирали их, настоей рожаницам пить давали, чтобы легче разродилась» (Вил. Кочнева Гора). Двойной колос, положенный в сусек в амбаре, считался залогом хороших урожаев: «Двойные колосья сызредка бывают. Их унесут в сусек, чтобы хлеба много было» (Леш. Выжгора); «Если два колоса встретим, его обязательно в сусек убирали. Ларь возьмем и заткнем, чтоб хлеб водился» (В-У. Загорье); «Два колоса родится, на коромысле в анбар несут, к житью, к доброму году» (Леш, Лебское).

Верили, что двойной колос приносит не только хороший урожай, но и счастье нашедшему: «Если два колоска выросли на твоей полянке, веселая жизнь будет. Срывают и хранят на веселую жизнь» (Вил. Ильинское-Подомское); «Где-то попадет два колоска на одной селеминке (соломинке), кладут к иконе, год оно лежит, счастье приносит» (Котл. М.Уртомаж).

Эта примета о «доброе» двойном колосе опирается сразу на два магических представления: магию хлеба, зерна и магию числа «два». Встречаются и другие поверья, основанные на числовой магии. Примечательно, например, такое высказывание: «Вон как деревья любят друг друга (О сросшихся двух деревьях). Надо, кто худо живет, напоить с этого дерева, дак хорошо будет» (Котл. М.Маминская). Особыми свойствами наделяется и место слияния двух ручьев: «Два ручья стекаются, и вода в этом месте целебная. Скотина заболит, ребеночек испугается — можно лечить. По воде кружечкой водишь и приговариваешь: «Не первая, не вторая, не третья, не четвертая, не пятая, не шестая, не седьмая, не восьмая, не девятая». Зачерпнешь воды, выльешь в посудину себе. Так три раза, потом пошепчешь в воду что надо, попойшь скотину или помоешь этой водой — поправится» (Вил. Истоминаская). В этом тексте сочетаются и магия числа «два», и магия числа «девять» (ср. еще: «Когда нужно куда, брали из болота воду с

девяти кругов. Трижды по три окружают ее по солнышку, приговаривая: «Не первой, не другой, не третьей» — Котл. Поздышево), и магия воды, проявляющаяся во многих обрядах и поверьях. Ср. приведенные ранее примеры (обмывание водой, магическая сила воды из двух ручьев и др.), а также: «Дощечку положат с одной стороны на пригорок и льют воду по ней, чтобы вода скатывалась. При этом говорят: «Речка течет по земле, а тоска поди по воде. Прodelьвать нужно в полночь» (Котл. Поздышево).

Наделяя магическими свойствами и окружающую природу, и предметы своего, домашнего мира, крестьяне Русского Севера следовали древним языческим представлениям о мире. Отголоском культа языческого бога-громовержца можно считать использование в качестве оберега «громовой стрелы» — следа на корнях дерева от ударившей в него молнии: «Молния через дерево проходит, оставляет в корнях след. Это громовая стрела. Ее нарочно искали, прибирали. Это оберега, чтоб не опризорили (сглазили). Она красивая, как радужный карандаш. Сказывают, через три года в том же месте громовая стрела обратно выходит» (Леш. Шегмас). По представлениям информантов, молния чаще «метит» именно дерево с раздвоенной верхушкой, т.е. шарагу: «Шарага — это опасно дерево». Гремит если — под шарагу не вставай, под сосну — от шарагой. Под ей притягат, щепает больше такое дерево. Ребенок испугается — щепу от шараги помочат и ребенка умывают этой водой, чтоб не пужался» (Вил. Гришинская).

Наделяются магическими свойствами и предметы христианского культа. Ряд поверий и обрядов связан с крестом, его охранительной, целительной силой. Раньше около деревни ставили деревянный крест-домку, называемый иногда часовней. Его принято было украшать полотенцами, по праздникам здесь служил батюшка. На такой крест вешали одежду с большой части тела, чтобы исцелиться: «На ногу (жалуешься) — чулок, на голову — плат, дети (болеют) — одежку детскую (повесишь), животка (скотина) болеет — шерсть принесешь» (Леш. Палуга). Целительная сила приписывалась и доскам, из которых был сложен крест-часовня: «Часовня маленька была, так лечились — полку грызли, чтобы зубы не болели» (Прим. Ненокса). Исцелить могла сама земля, на которой стояла часовня: «Как-то сестрица моя болела, так мать пошла и под часовней землицы набрала. Землицу ту надо было на воде настоять и дать выпить. А как пьет, приговаривать: «Мать — сыра земля, бери к себе, легче дай» (Уст. Задорье).

Верили, что крест может уберечь от пропажи домашнюю скотину: «Когда лошадь выгоняем, чтоб не пропала, на колокольце-от крест привяжут из лучинок, вычек ли каких» (Плес. Зашондомье). Запеченный в пасхальный каравай, крест должен был обеспечить хороший урожай: «В Пасху кресты клали в хлеб, чтоб лучше хлеб рос» (Вашк. Данькино). Сам пасхальный каравай тоже считался наделенным добродетельной силой: люди ели его сами и давали скоту, веря, что это защитит их от беды: «На Пасху белый каравай спеку, фигурками украшу, все съедим, а фигурки скотине скормлю, когда выпускать стану, чтобы лето прошло хорошо» (Вашк. Шульгино).

Магическая связь устанавливалась между нательным крестом и его владельцем: «Если кто заболел, дак его крест-от нательный в воду бросали: почернеет крест-от — к смерти, а нет — здоровый будет» (Вашк. Муньга).

Существуют поверья, связанные с такими атрибутами христианского культа, как воск и ладан: если вшить в одежду воск, над которым трижды прочитана молитва, он спасет от привидений (Уст. Глубокий), а с помощью ладана можно отыскать утопленника: «Надо в криночку ладану

налить и по воде пустить. Где она остановится и закружится, там и тело» (Уст. Шаткурга).

Интересно использование ветвей пихты в качестве оберега: «На Пасху пихту по домам раскладывали, на пол бросали. Даже в скотские дворы под матицу суют» (Вил. Слободка). Охранительные свойства пихтовых веток информант объясняет тем, что «Иисус Христос, говорят, на ветках пихты сидел».

За непочтительное отношение к святым предметам человека постигает кара: «Кто сымал с церкви колокола, так и ослеп» (Котл. Наледино); «Которые колокола с церкви сбросит, тому не поздоровится: ослепнет, охромееет ли» (Котл. М.Уртомаж). Снять проклятие помогает также магическое действие с крестом: «Нашелся туняедец, сломал крест у церкви и подох. А другой на тракторе хотел сломить, у него рука отсохла. Ему сказали: «Прицепи крест к трактору и едь по полю». Он поездил — все прошло» (Котл. Колосово).

Подобные рассказы возникли сравнительно недавно: в первые послереволюционные годы, когда разрушение церквей стало характерной приметой жизни. Однако уверенность в неизбежности наказания для тех, кто поднял руку на святыни христианской религии, имеет долгую традицию: «Кто батюшку (священника) убьет, у того в семье семь покойников будет» (Котл. Нечаиха) — здесь отражена и числовая магия.

Велика вера в магическую силу слова. Оно обладает способностью и помочь человеку, и навредить ему. Так, ругательства, проклятия как бы отдают человека в ведение нечистой силы: изруганная скотина может уйти в лес и бесследно исчезнуть. Изруганный или проклятый человек легко подвергается действию нечистой силы: он может заблудиться в знакомом месте, может погибнуть. Чтобы снять проклятие, нужно ходить по лесу с распятием или иконой и крестить землю (Вил. Истоминская). «Лешаку дается в час одна секунда. Если в эту секунду кого проклясть, его лешак унесет. Одного парнечка мать прокляла, лешак его и забрал, нашли на явленном месте» (Котл. Куимиха).

Тот, кто проклинает, попадает во власть нечистой силы и сам: «Лешак водит по лесу..., кто ругается» (Вил. Истоминская), — у него появляются черты, свойственные нечистой силе: «Кто проклянет человека, у того правого следа нет, только левый след» (Котл. Куимиха). Здесь запечатлена и пространственная магическая оппозиция правого—левого как хорошего—плохого. Ср. еще примеры такой оппозиции: «На реку-то выйдешь, глянешь на деревни — Родома, Вожгора, Пустыня, Лебское — все на доброй руке (т. е. на правом берегу), деды—прадеды наши тутока жили, и мы живем — не горим. А Зубово-то (лагерный пункт на противоположном берегу р.Мезени) на худой руке поставили, у них пожары каждое лето» (Леш. Родома); «Если хочешь оправляться, оправляйся на левую сторону, а не на правую: на правой ангелы летают» (В-Т. Пога).

Существовали и словесные табу — запреты на определенные слова, чаще всего на ругательства: «Когда сети вязали, не ругались... Выругаешься — рыбку спугаешь» (Вашк. Муньга); «В море пойдешь — разговаривай осторожно. Нельзя слово «поп» говорить. Кто скажет, трижды плюнь через левое плечо» (Прим. Патрикеевка). Рыбаков, ушедших в море, нельзя было называть их настоящими именами: «Бабушка моя давно еще сказывала мне, что у стариков было такое заведение: когда мужики в море уходят, женки их по именам не называют, чтобы черт не услышал. Дедушка Васильем звали, а в море уйдет, она его Силушкой называет» (Прим. Лопшеньга). Нельзя было говорить о своем намерении рыбачить, называть

то место, где собирался ловить: «Если у тятки (а он рыбак был) спрашивали, куда идет, он не называл то место, куда ловить пошел. Всегда другое место называл, а то рыбы не будет» (В-У. Истопная). Точно так же «про охоту рассказывать нельзя, потом никого не поймаешь» (Уст. Лихачево).

Словом заговаривали и удачу: «Как рыбку первую поймаешь на удочку, той в рот говори: «Чур моей рыбы, чур меня». И в ведро ее брось через левое (опять-таки левое!) плечо» (Холм. Ульяново).

В настоящее время вера в силу магического воздействия — это лишь воспоминание о том, что «старик говорил» или «делали».

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свидетельства информантов приводятся с сохранением лексических и морфологических особенностей говора; толкования диалектных слов при необходимости приводятся в скобках; географическая помета включает в себя сокращенное название района и полное название деревни, где произведена запись.

Сокращения в названиях районов:

- Бел. — Белозерский район Вологодской области
- Вашк. — Вашкинский район Вологодской области
- В-У. — Великоустюгский район Вологодской области
- В-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области
- Вил. — Вилегодский район Архангельской области
- Котл. — Котласский район Архангельской области
- Леш. — Лешуконский район Архангельской области
- Мез. — Мезенский район Архангельской области
- Онеж. — Онежский район Архангельской области
- Пин. — Пинежский район Архангельской области
- Плес. — Плесецкий район Архангельской области
- Прим. — Приморский район Архангельской области
- Уст. — Устьянский район Архангельской области
- Холм. — Холмогорский район Архангельской области
- Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области

### SUMMARY

#### MAGIC ACTION AND WORD IN THE LIFE OF THE NORTH-RUSSIAN PEASANT

The notes continue the publication of ethnographic materials, «incidentally» collected by the participants of the Toponymic Expedition of the Urals State University. The article contains a selection of descriptions of rites and religious beliefs of a magic character and pertaining to the most important spheres of life of the North-Russian peasant: fishing, hunting, housekeeping and medical practice.

*N. Galinova, O. Mistchenko, Ju. Popova, I. Rodionova*